

Игорь Грабарь

История русского искусства

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И26

И26 **Игорь Грабарь**
История русского искусства: Том 2 / Игорь Грабарь – М.: Книга по Требованию, 2019. – 413 с.

ISBN 978-5-458-16231-9

Новая «История русского искусства» наследует традиции двух предыдущих изданий — дореволюционного и советского времени, вышедших под редакцией И. Э. Грабаря — основателя Государственного института искусствознания.

ISBN 978-5-458-16231-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Второй том Истории русского искусства (далее — ИРИ), как и предыдущий, делится по хронологическому принципу на две части. Одна из них охватывает период от второй четверти XII в. до примерно 1160-х гг., другая — посвящена искусству второй половины — конца XII в. В политической и духовной жизни Древней Руси это были две различные эпохи, каждая из них имеет свои особенности, отразившиеся во всех сферах культуры и искусства, что определило предложенные авторами способы рассмотрения памятников, характер построения текстов. И в первой, и во второй части есть разделы, посвященные архитектуре, живописи, монументальной пластике, но в силу самой специфики материала он по-разному в них представлен. В первую очередь это касается архитектуры и пластики. Здесь определяющим является принцип рассмотрения памятников по регионам. В разделах же, посвященных живописи, в основном сохраняется более традиционный принцип сопоставительного анализа рассматриваемых произведений, позволяющий выявлять тенденции в формировании иконографических тем и программ, общие закономерности в развитии стилистики, действовавшие в домонгольское время на всей территории Руси и даже шире — во всех странах восточнохристианского мира.

В истории Древней Руси XII столетие — эпоха, не только обладавшая своим неповторимым обликом, «решавшая свои задачи», но во многом определившая те традиции и те пути, по которым в дальнейшем пошло развитие и русской государственности, и русского искусства. С ней совпадает время интенсивного строительства, преобразования и формирования основ национального самосознания, стержнем которого стало понятие «Русская земля».

Нижняя граница периода, здесь представленного, определяется достаточно точно. После смерти Владимира Мономаха (1125) и его преемника на киевском великокняжеском престоле — Мстислава Великого (1132), продолжавшего сохранять реальную власть над большей частью территорий Киевской Руси, распад ее на самостоятельные княжества — «отчины», еще в 1097 г. зафиксированный де-юре на Любечском съезде князей, становится необратимым. Начиная с 1130-х гг. этот процесс шел с постоянным ускорением. Обозначенная граница совпадает и с началом

нового периода в развитии стиля искусства, заметные изменения в котором практически одновременно и повсеместно отмечаются во всех видах художественного творчества Византии и других православных государств.

Сложнее обстоит дело с обоснованием верхней хронологической границы, которую авторы статей, вошедших в настоящий том ИРИ, провели по рубежу XII–XIII вв. Дело в том, что конец XII столетия внешне не отмечен сколько-нибудь значительными событиями в политической жизни Руси. Ничто еще как будто не предвещало тех грозных событий, что вскоре, в 1204 г., привели к падению Константинополя, а чуть позже, в 1223 г., к поражению объединенных русских и половецких полков, тогда впервые встретившихся лицом к лицу с монгольским войском на реке Калке. Однако, когда внимательно читаешь произведения литературы и вглядываешься в памятники архитектуры и живописи того времени, начинаешь понимать, что черты, характеризующие особенности нарождавшегося нового стиля, отражают процесс формирования новых идеалов, появления тех условий духовной и социальной жизни, которым будет суждено изменить лицо Руси и ее восточных и западных соседей. Именно они как приметы грядущих серьезных изменений стиля искусства в большей мере, по сравнению с другими соображениями, послужили основанием для такого разграничения периодов.

В истории византийского искусства завершение развития одной традиции и рождение новой также приходится на рубеж XII–XIII столетий — время правления последних императоров из династии Комнинов и Ангелов [1]. Примерно то же самое в указанный период происходит на территориях западных соседей Руси. Как отметил Л.А. Беляев, сравнивавший закономерности процессов стилистического развития искусства Древней Руси и Западной Европы, хронологически домонгольский период совпадает с эпохой романики «вплоть до перехода к ранней готике». И там «разделительная линия» также проходит между концом XII и началом XIII в. [2]

При обосновании предлагаемой периодизации авторы опираются главным образом не на текстовые источники, а на данные, полученные в результате исследования произведений архитектуры, изобразительного и прикладного искусства. Они относятся

[1] Успенский Ф., 1948. С. 315–392.

[2] Беляев Л., 2000. С. 722.

1

к этим памятникам именно как к источнику, неизменно следуя задаче уяснения их «исторического смысла» [3].

Среди основных факторов, определявших неповторимые особенности эпохи, ее духовную атмосферу, направление развития культуры и искусства, в первую очередь следует назвать обретение независимости разными княжествами и землями. На огромной территории Руси, еще недавно политически полностью подвластной Киеву, возникают автономные государства — земли и родовые княжеские уделы-«отчины» [ил. 1–3, 6, 7], наследуемые и самостоятельно управляемые представителями отдельных ветвей разросшегося клана Рюриковичей [ил. 4, 5]. Но этот процесс самоопределения не был однозначным, поскольку у большей части представителей княжеского клана Рюриковичей, господствовавшего в Русской земле, еще долго сохранялись иллюзии возможности возврата к единому правлению, имевшему место при Ярославе Мудром и даже еще при Владимире Мономахе. Поэтому борьба за киевский «стол» не прекращалась. В свою очередь, и великие киевские князья время от времени вмешивались во внутренние дела, казалось бы, уже обретших самостоятельность княжеств.

Наряду с начавшимся процессом политической самоидентификации отдельных княжеств, создававшим условия для формирования специфических черт местной культуры, шла активизация экономических связей между ними. Кроме того, все удельные земли

сохраняли единое правовое пространство, на их территориях продолжали действовать законы, принятые Ярославом — «Русская Правда», — и церковные уставы.

Процессу дробления Киевской Руси на уделы противостояла ее христианизация, происходившая одновременно с ним и даже опережавшая его. Соответственно по мере постепенного укоренения православия как религии уже не только княжеско-дружинной среды, но и основной массы городского населения происходила и духовная интеграция общества. Все события русской истории XII в. протекают на фоне постепенного преобразования Киевской Руси как политического объединения в пространство этнической, языковой, культурной и, что особенно важно, духовной идентичности живущих на ее территории людей, именуемое летописцами «Русской землей».

Именно в XII в., вопреки распаду могущественной державы Владимира Мономаха, рождается поэтический образ Руси. Анализ памятников литературы и искусства показывает, что, несмотря на не прекращавшиеся княжеские междоусобицы, происходило укоренение в сознании народа идеи ее духовного единства [4]. Киев на протяжении всего домонгольского периода продолжал оставаться духовным центром страны и одновременно законодателем художественной «моды», он по-прежнему являлся основным посредником в передаче в самые отдаленные регионы Руси новых идей и стилистических веяний, приходящих из столицы Византии

[3] Черепнин, 1969. С. 33–34.

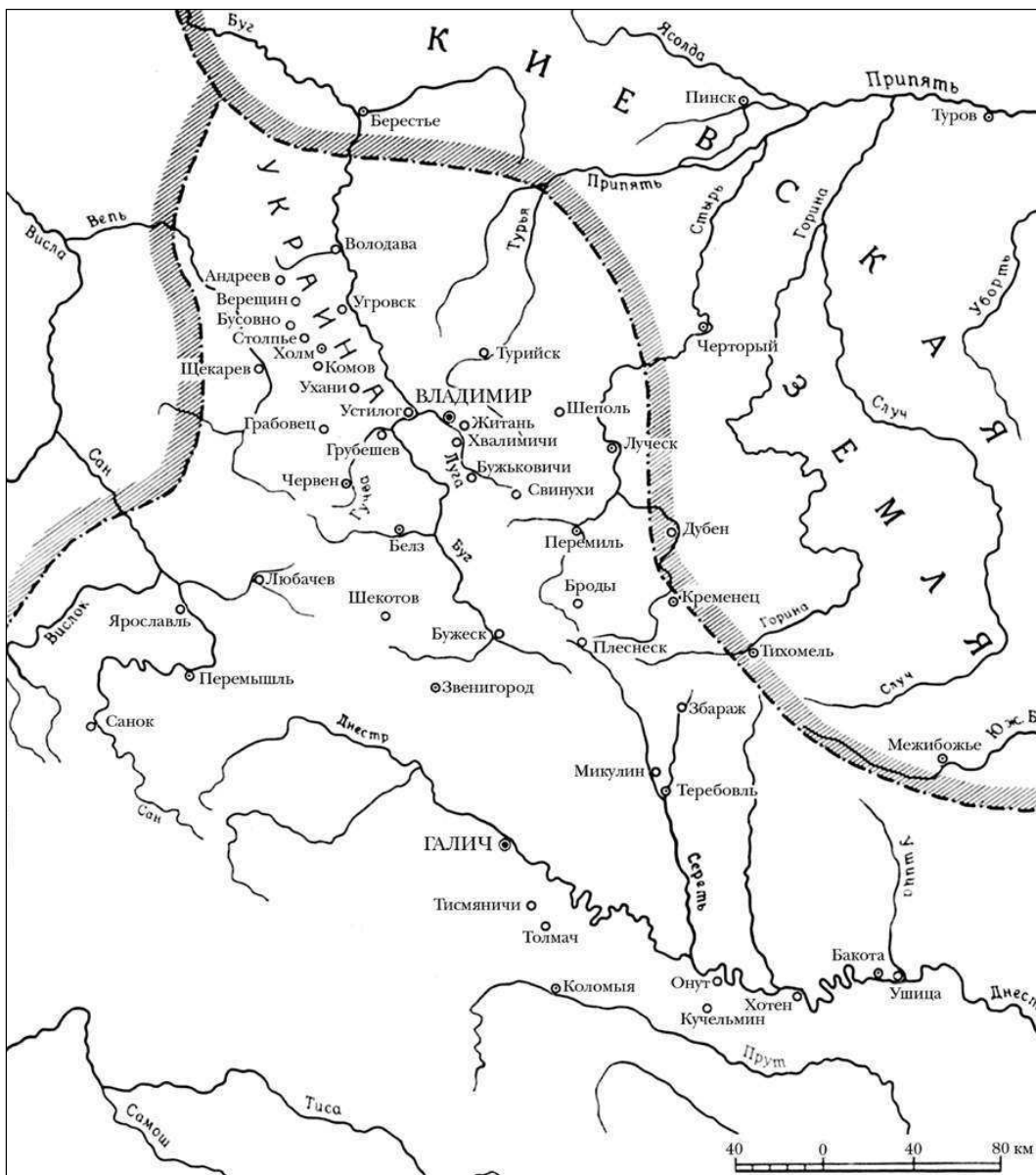
[4] Повесть временных лет, 1996. С. 273.

и других крупных центров православного мира. Как общая «дедина» внуков и правнуков Ярослава Мудрого, Киев и в ту эпоху, и много позже оставался олицетворением единства Русской земли и ее государственности. Столь уникальной ролью города, видимо, и объясняется то, что именно такой его образ продолжал жить в народной памяти, о чем свидетельствуют произведения фольклора — былины и сказки. Сложившийся в XII в., он, по словам В.О. Ключевского, позволял народу видеть себя участником истории и «через это участие чувствовать себя чем-то цельным, делающим общее дело» [5].

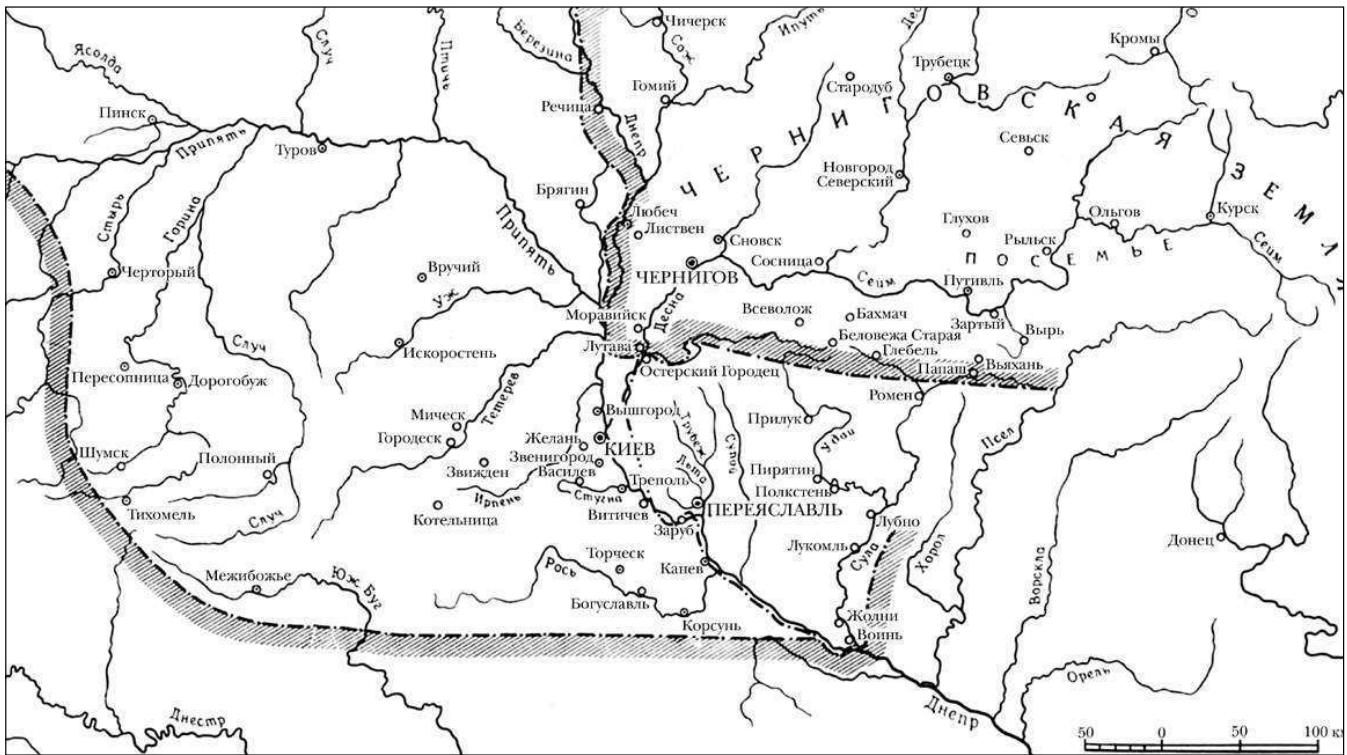
Наряду с образованием независимых «отчин» и интенсивным процессом христианизации Русской земли не менее важным фактором, определявшим ход истории XII в.,

являлся рост числа городов. Он был обусловлен развитием торговли и ремесел и разрастанием династии Рюриковичей. Если на протяжении X–XI вв. на русской исторической арене действовало не более двух десятков князей правящего рода, то в XII в., согласно подсчетам историков, было уже более двух сотен князей. Ветви кланов, то борющихся друг с другом за обладание киевским престолом, то вступающих в союз, переплетались, что вело к изменениям в структуре династии и соотношении сил между землями [6]. Вместе с тем именно князья были той силой, которая способствовала экономическому развитию «отчин». Они вкладывали свои доходы в развитие местных ремесел и местного рынка [7], покровительствовали международной торговле, инициировали процесс колонизации новых земель в Заволочье,

2 Земли Владимиро-Волынского и Галицкого княжеств. Карта
3 Земли Киевского и Черниговского княжеств. Карта

[5] Ключевский, 1987. Т. 1. С. 211–212. Об этом см. также: Петрухин, 2000. С. 19–25.
[6] Франклин, Шепард, 2000. С. 485.
[7] Там же.

3

на Русском Севере, где добывали меха. Большое значение придавалось ими установлению контроля над старыми и новыми торговыми путями, особенно над теми, что шли в обход Киева. В частности, властители Ростова и Суздаля контролировали пути, ведущие и в Новгород, и на Среднюю Волгу; другие князья способствовали превращению Владимира Волынского, Полоцка и Смоленска в посредников в торговле с Польшей и Германией, Новгорода — с Германией и Северной Европой; интересы черниговских и северских князей были связаны с торговыми путями, проходившими от Азовского моря и Дона по половецким степям к среднему течению Волги и землям вятичей.

Особое значение приобретает галицкий путь. Так, в «Слове о полку Игореве» мы находим ценнейшее свидетельство, говорящее о том, что галицкий князь Ярослав Владимирович (Осмомысл) контролировал торговые пути, шедшие через Карпаты и по Дунаю, связывавшие Русь, в том числе и Киев, с Византией и Западной Европой: «Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака (т. е. «перебрасывая» грузы товаров через горные перевалы, покрытые облаками. — Л.Л.), сударя (снаряжая. — Л.Л.) до Дуная... отворяешь Киеву ворота» [8].

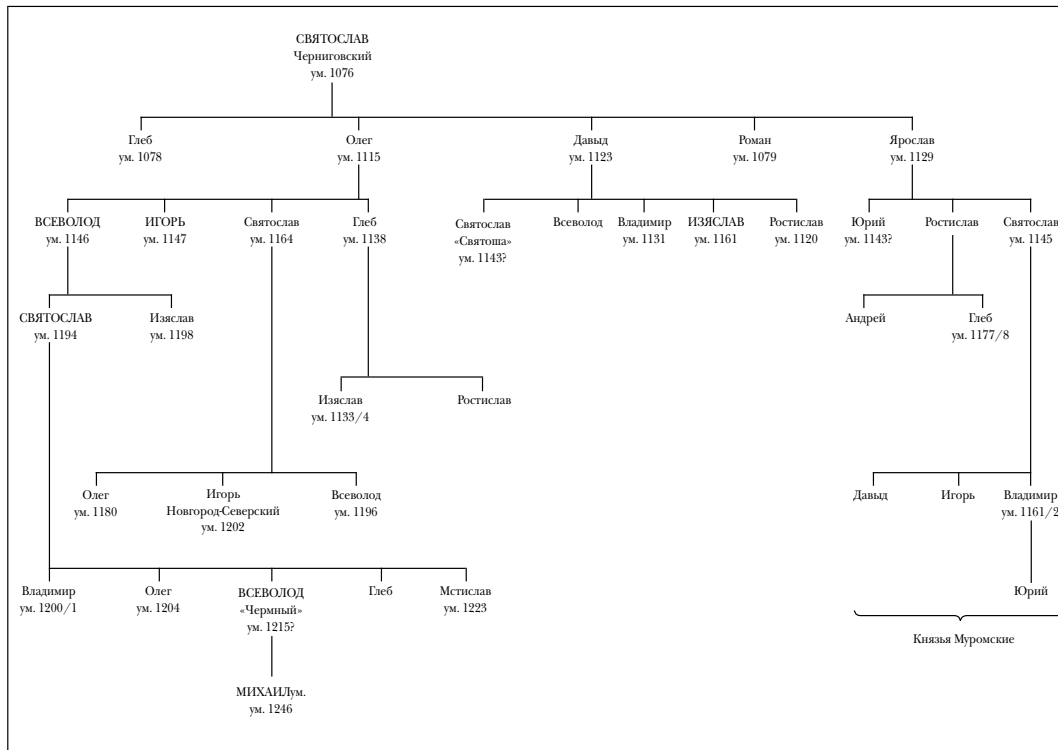
Наряду со старыми городами — столицами княжеств, где находились княжеская

администрация и дружина, епископы, представители местной феодальной элиты — боярства, строятся новые города и княжеские резиденции. В крупные политические, торгово-ремесленные и духовные центры превращаются некогда небольшие второстепенные периферийные города, такие как Смоленск и Владимир Залесский, которые еще при Мстиславе Великом отдавали значительную часть своих доходов Переяславльскому дому Мономаховичей. По мере увеличения числа князей и дробления уделов происходит дифференциация городов. На карте княжеств появляются городские поселения разных типов. Одни из них воздвигались для укрепления рубежей новых княжеств, защиты и охраны торговых путей, проходивших через их земли. Владимиро-Суздальские князья для обороны земли и контроля за торговыми путями создали целую сеть крепостей и форпостов, из которых самыми известными являются Переславль-Залесский, Юрьев-Польской, Дмитров, Москва, Городец на Волге, Углич.

Другую группу составляли «феодалные замки и домениальные города, которые строились как княжеские резиденции и центры домениальных владений» [9]. Под их стенами появляются монастыри, начинают селиться ремесленники. Те города, где появлялись епископские кафедры, постепенно превращались и в центры духовного просвещения, книжности. По подсчетам А.А. Горского, за период с середины XII до середины

[8] Перевод с небольшими коррективами дается по изд.: БЛДР. Т. 4. 1997. С. 263.

[9] Свердлов, 1983. С. 122.

4

XIII столетия в Черниговской земле было 268 укрепленных поселений, из которых 32 превышали по площади 1 га. В Смоленской земле их было соответственно 156 и 18; в Киевской — 115 и 20; на Вольни — 96 и 31; в Галичской земле — 84 и 22; в Переяславльском княжестве 78 и 15, а в Ростово-Суздальской земле — 73 и 29 [10].

Одна из характерных черт русских городов, многие из которых первоначально возникли как родоплеменные административные центры и одновременно как центры ремесла и торговли, — прочная связь с сельской округой, сохранявшаяся на протяжении многих последующих веков истории. По мере умножения домениальных городов — центров княжеских и боярских вотчин, т. е. территорий, на которых велась хозяйственно-экономическая деятельность, христианство, являвшееся государственной религией, глубже и глубже проникает в сельские местности, где постепенно появляется все больше атрибутов официальной культуры. Этому же способствует появление загородных миссионерских монастырей, часть которых, благодаря вкладам князей и бояр, со временем становились земельными собственниками.

В разных городских центрах по-своему складывались отношения между князьями, местной боярской элитой и духовной властью. На территории Ростово-Суздальской земли, находившейся во владении младшей ветви наследников Владимира Мономаха, власть князей приобрела формы, близкие

к самовластью. Начиная с Андрея Боголюбского, занявшего владимирский «стол» в середине XII в., политика князей была направлена на подавление власти местного родового боярства. Влияние «старшей дружины» на политические дела ослабевает, на первый план выдвигаются неродовитые «милоstinики», приближенные к князю [11].

Однако во многих княжествах, в том числе и в самом Киеве, «знать «земли» выступает как сила, самостоятельная по отношению к институту княжеской власти» [12]. В Галичской земле, например, князьям постоянно приходилось считаться с волей местного боярства. В Новгороде бояре, являвшиеся потомками местной племенной знати, сохранявшие прочные связи с населением своих родовых «гнезд» и вотчин на всей территории Новгородской земли, были особенно многочисленны и сильны. В результате событий, имевших место в 136 г. и получивших у историков определение «революция», устанавливается своеобразная местная форма государственности, отчасти напоминающая республиканское устройство: боярство формировало органы государственного управления, в которые институт княжеской власти встраивался как особая форма служения — военного, судебного и отчасти внешнеполитического [13].

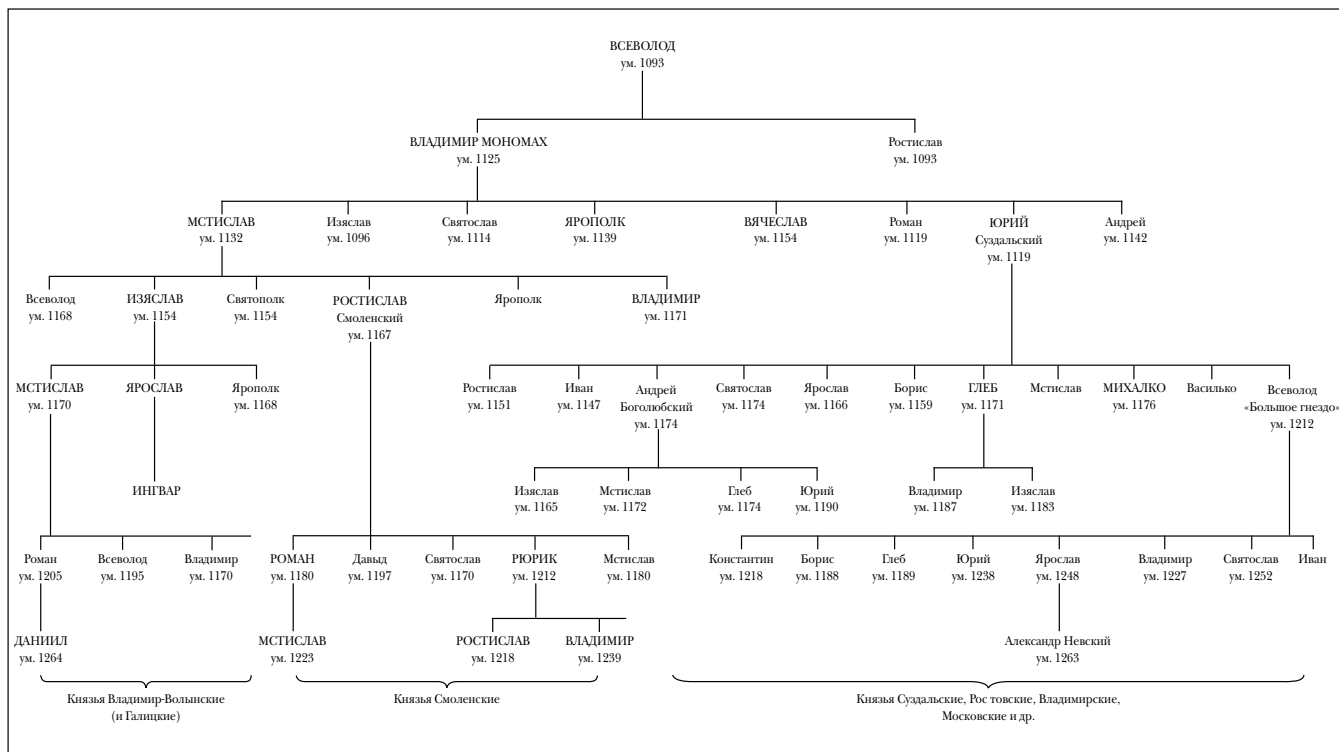
На фоне крупных княжеских уделов и земель, обретших независимость, Киев выделяется как номинальная столица Русской земли, являющаяся общим владением Рюриковичей, которая, согласно завещанию

[10] Горский, 2003. С. 32.

[11] Горский, 1989; Флоря, 2009. С. 64–84.

[12] Там же. С. 79–80.

[13] Янин, 1982. С. 79–95; Мусин, 2002. С. 201.

5

Ярослава и установлениям княжеских съездов, должна была находиться в управлении старшего в роде и переходить после его смерти к следующему князю по старшинству. Однако такой порядок наследования киевского престола был нарушен уже Владимиром Мономахом, по завещанию которого киевляне посадили на престол его старшего сына Мстислава Великого, хотя по праву Киев должен был перейти во владение князя из черниговской династии, в ту пору старейшего в роде Рюриковичей. В дальнейшем, на протяжении всего XII в., нарушения такого рода происходили систематически. «Старейшинство» все чаще стало отделяться от «генеалогической очередности» [14], что приводило к постоянным распрям и военным столкновениям между представителями самых могущественных ветвей потомков Ярослава Мудрого – черниговской, переяславльской, суздальской, смоленской и волынской, а также к противоборству князей и различных боярских партий [15].

Укреплению местного суверенитета способствовало наличие в столицах крупнейших «отчин» и «земель» епископских кафедр, число которых в XII в., по сравнению с тем, что было в XI столетии, увеличилось: в 1137 г. была основана кафедра в Смоленске; в XII в. епархии, безусловно, существовали в Галиче (учреждена до 1165 г.) и в Рязани (учреждена до 1207 г.). Но в целом для огромной территории Руси их число слишком мало.

За весь домонгольский период на Руси было 15 епархий, не считая Тмутараканской:

«Малое количество епископов и необычайная обширность епархий, равных по протяжению иногда целым сотням епархий греческих..., навсегда стали отличительными особенностями русской церковной жизни». В результате чего оказывалось «физически невозможным» быть «действительным пастырем... Тысячеверстные расстояния и первобытные пути сообщения... разделяли архипастыря с большинством его паствы... Объезды епархий во всем их объеме оказывались невозможными и становились, во-первых, не столь частыми; во-вторых, ограничивались лишь немногими пунктами, расположенными по большим дорогам» [16].

Тем не менее, несмотря на малое число епископских кафедр, духовная жизнь Руси интенсивно развивалась, что выразилось в первую очередь в умножении церквей и монастырей, в заметном увеличении числа лиц духовного звания. В рассматриваемый период духовенство представляло уже значительный слой населения, начинающий обрывать свое особое «социальное лицо» [17]. Быстро увеличивавшееся число храмов и монастырей создает условия для того, чтобы культура церкви оказывала заметное влияние на повседневную жизнь людей, сперва в городах, а позже и в сельских местностях.

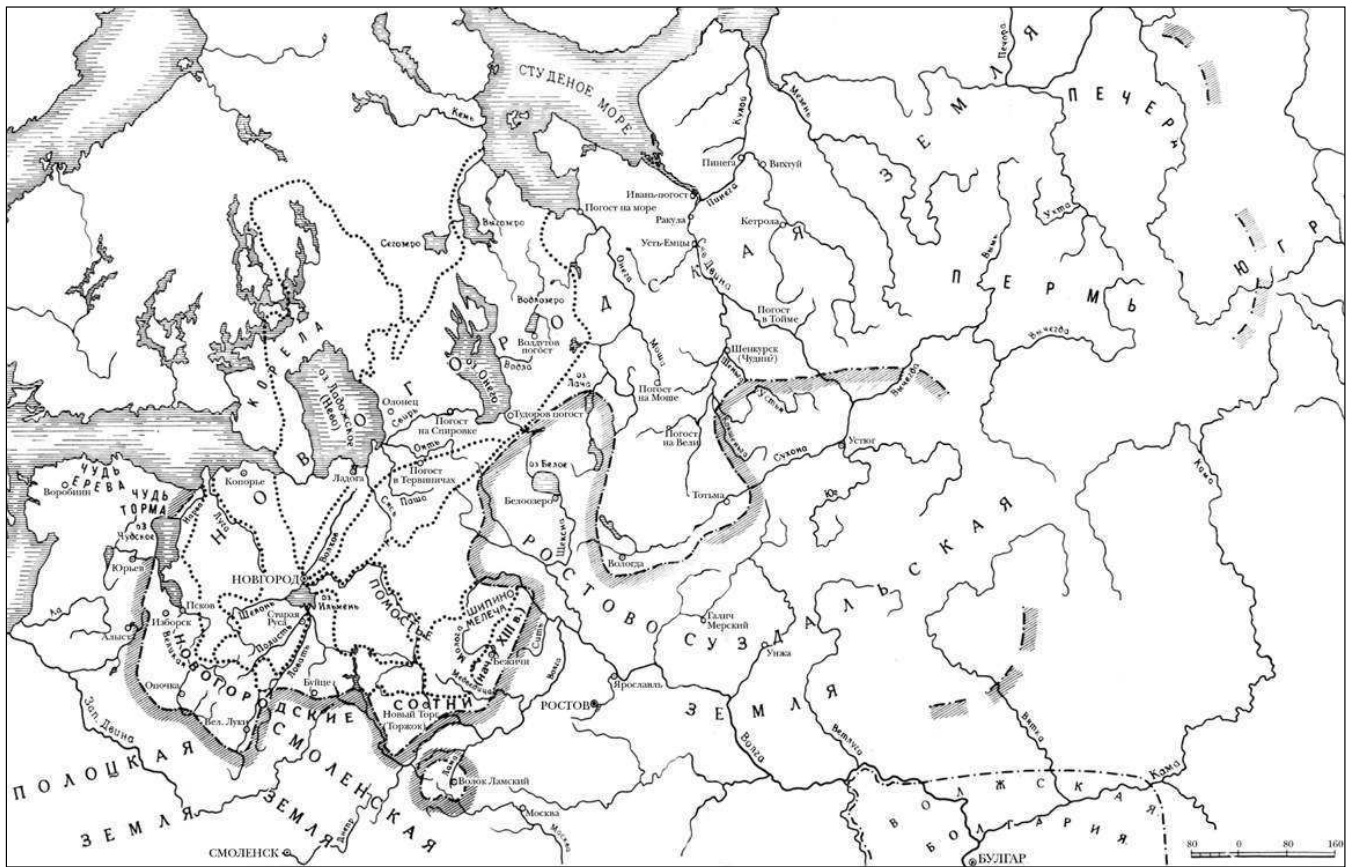
Миссионерская деятельность церкви уже в первой половине XII столетия дала зримые и весомые плоды. Так, В.В. Седов на основе изучения материалов курганных погребений Смоленской земли показал, что

[14] Петрухин, 2000. С. 227; Назаренко, 2000. С. 500–519.

[15] К кровавому противоборству привела, например, попытка, предпринятая в 1187 г. галицким князем Ярославом Владимировичем, изменить старую систему перехода власти и завещать стол своему побочному сыну (ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 656–657).

[16] Карташев, 1993. Т. 1. С. 183–184.

[17] Например, Б.А. Успенский считает, что слой духовенства в рассматриваемый период мог составлять уже около 2% взрослого населения страны (Успенский Б., 1994. С. 25).

6

еще в начале XII в. «массы населения оставались язычниками. Христианская религия в крестьянскую среду не проникала вовсе». Но уже в 120-х гг., «когда в Смоленской земле была образована собственная епископия и началось строительство новых городов, ситуация активно меняется... Вторая половина XII и первая половина XIII вв. были переходным периодом, в котором языческое переплеталось с христианским. Сельское население в какой-то степени сохраняло языческое мировоззрение, участвовало в языческих праздниках и молениях, хоронило умерших на курганных кладбищах. Вместе с тем оно посещало церкви, крестило детей и соблюдало христианскую обрядность» [18].

Такие же процессы, судя по данным археологических раскопок, происходили и в других землях. «Предварительный анализ письменных свидетельств и косвенных археологических данных о христианизации Новгородской земли, — заключает А.С. Мусин, — выявил факт поступательного распространения христианства в XII в. практически на всех исследуемых территориях» [19]. Эти наблюдения полностью согласуются со свидетельством новгородского летописца, писавшего о полной победе христианства над язычеством: «И тако бо есть промысл божи, еже яве в последня: куда же древле погании жряху бесом на горах, ныне же паки

туды святыя церкви златъверхия каменозданныя стоят, и монастыреве велицы поставлены быша, и черноризец в них исполнено бысть, беспрестани славяще бога в молитвах, в бдении, в посте и в слезах, их же ради молитв мир стоит» [20].

Постепенно христианизируется и сельское население. На сельских кладбищах, «даже в земле вятичей, начали появляться христианские могилы; кресты и другие символы христианства все чаще встречаются в традиционных курганных захоронениях» [21]. Из анализа всей суммы фактов историки делают заключение, что к концу XII столетия земли Руси были уже по преимуществу христианскими [22].

Распространяясь по территории Руси и проникая в разные слои общества, христианство начинает утрачивать черты религии, исповедуемой в основном княжеско-дружинной средой, и постепенно становится «своей» для основной массы населения. Христианские понятия, переходя из церкви в повседневную жизнь, становятся бытовой нормой, определяя нравственное состояние общества, поведение людей, характер их взаимоотношений. При этом исчезает необходимость в постоянной демонстрации своей принадлежности к официальной вере. Археологи отмечают, что число христианских атрибутов, нараставшее вплоть до конца

- [18] Седов, 1995. С. 78, 79.
- [19] Мусин, 2002. С. 178–179.
- [20] НПЛ, 1950. С. 103.
- [21] Никольская, 1981. С. 103–106; Седов, 1993. С. 3–11.
- [22] Франклин, Шернард, 2000. С. 503.
- [23] Лесман, 1995. С. 35–36.
- [24] Памятники канонического права, 1880. Стб. 21–62; Смирнов, 1912. С. 1–27; Романов, 1947. С. 196–237; Симонов, 1978.
- [25] Сапунов, 1888.
- [26] Алексеев, 1957/1. С. 220–244; Алексеев, 1993. С. 70–78.
- [27] БЛДР. Т. 4. 1997. С. 262.
- [28] Дубенский, 1844. С. 158–160.
- [29] ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 667.
- [30] За то, что Фридрих поддержал галицкого князя Владимира Ярославича, тот обещал выплачивать ему в год 2 тыс. гривен серебра (ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 666).
- [31] Живов, 2000/1. С. 569.
- [32] Голубинский, 2002. Т. 1, ч. 2. С. 804.
- [33] Татищев, 2003. Т. 2. С. 381.
- [34] Голубинский, 2002. Т. 1, ч. 1. С. 879.

XI в., «затем в течение ста лет падает». В этой связи они приходят к следующему заключению: «Причины сокращения числа находок (таких атрибутов. — Л.Л.) кроются в изживании неопитства...» [23].

О том, сколь глубоко уже в первой половине XII в. образы христианской морали проникли в сознание значительной части городского населения, говорят «Вопрошания Кирика», обращенные к архиепископу Нифонту и касающиеся того, как следует относиться к широко распространяющейся практике паломничества в Святую Землю [24]. Паломничество в Иерусалим совершает полоцкая княжна Предслава (в монастыре Евфросиния), основавшая два монастыря в Полоцке. По преданию, она и скончалась в Святой Земле, в лавре Феодосия Киновиярха [25]. Из Палестины на родину паломники приносят многочисленные реликвии, которые хранили дома или вкладывали в приходские храмы и монастыри. К таким драгоценным святыням относится сделанный по заказу Евфросинии Полоцкой крест-реликварий с вложенными в него частицами Крестного древа, Гроба Господня, каплей крови Спасителя и другими реликвиями [26].

Сам Иерусалим, остававшийся вплоть до 1187 г. столицей Иерусалимского королевства крестоносцев, был центром межконфессионального общения православных,

католиков и мусульман, тем местом, где происходил активный культурный взаимообмен.

Крестовые походы, с которыми связаны важнейшие события европейской истории XII в., не могли не оказывать хотя бы косвенного влияния на политику и культуру Руси. Ученые не исключают даже, что русские отряды могли принимать в них участие. Поводом для такого заключения стали строки из «Слова о полку Игореве», посвященные галичскому князю Ярославу Осмомыслу: «Стреляеши с отня злата стола салтани за землями» [27]. Высказывалось предположение, что речь здесь идет об участии галичских воинов вместе с венграми в Третьем крестовом походе в войске Фридриха Барбароссы против султана Саладина [28]. О том, что император («царь немецкий») пошел биться за Гроб Господень, под 1190 г. сообщает Киевская летопись [29]. Красноречивым свидетельством существования прочных связей русских князей с германским императором является сообщение Ипатьевской летописи, читающееся под 1190 г. В нем говорится о победе галичского князя Владимира Ярославича из венгерского плена в Германию «ко цареви немецкому», т. е. к императору Фридриху, который, узнав, что Владимир — племянник («сестричич») великого князя Всеволода Суздальского, «прия его с любовь[ю] и с великою честию» [30].

Хотя еще в 1054 г. Восточная и Западная церкви из-за догматических разногласий официально прервали общение, православные и католики не прекращали контактировать друг с другом, причем «особенно интенсивным», что естественно, это общение «оставалось на периферии западного и восточного мира, там, где они соприкасались» [31]. Как писал по этому поводу Е.Е. Голубинский, «житийское чувство доброго знакомства и соседства... парализовало в продолжение периода домонгольского религиозное чувство вражды» [32]. В «Истории российской» В.Н. Татищева даже можно найти сообщение о том, что сын Юрия Долгорукого Михалко, ставший ненадолго после смерти Андрея Боголюбского владимиро-суздальским князем, «с греками и латинами говорил на их языках, как по-русски, но о вере никогда прения иметь не хотел и не любил, поставляя, что все прения от гордости или невежества духовных происходят, а закон Божий всем один есть» [33]. Впрочем, тот же Е.Е. Голубинский высказал серьезные сомнения в достоверности этого сообщения [34]. Безусловно только то, что Михалко и его брат Всеволод жили как изгнанники несколько лет в Солуни — портовом городе, через который проходили торговые пути, где они имели возможность общаться и с греками, и с латинянами.

